
АЛЕКС СКАЙ
КАВКАЗСКИЙ
РАЗВОД
МОЯ ДОЧЬ
НЕ СТАНЕТ ТВОЕЙ ЗАМЕНОЙ

Алекс Скай

Кавказский развод. Моя дочь не станет твоей заменой

https://litres.ru/74764724
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда Амина возвращается домой с шестилетней дочерью, за её столом уже сидит другая женщина.

Муж спокоен. Слишком спокоен. Он объявляет, что их брак окончен, Амина получит деньги и уйдёт. А вот Лейла останется в доме Арсановых. В сильной семье. С отцом. И с той, к кому девочке, по словам Тимура, нужно привыкать.

Но Амина больше не будет молчать.

Ночью она уходит с дочерью и документами, не зная, где искать защиты. За её спиной — богатая и влиятельная семья бывшего мужа. Впереди — суд, угрозы, слухи и правда, которую Арсановы скрывали годами.

Рядом появляется Руслан Бероев — мужчина, который слишком хорошо знает, как эта семья ломает женщин, когда они пытаются уйти. Но Амина должна понять главное: он не спасёт её вместо неё. Он только поможет ей встать так, чтобы больше никто не смог забрать её голос.

Тимур уверен, что дочь принадлежит его роду.

Амина докажет: Лейла не наследство. Не замена. Не трофей. И не доказательство мужской власти.

Содержание

Глава 1. Вторая женщина за моим столом 5
Глава 2. Беги, пока они не закрыли ворота 33
Глава 3. Мужчина, который знает их тайны 68
Г 100
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Кавказский развод. Моя дочь не станет твоей заменой

Глава 1. Вторая женщина за моим столом

Амина поняла, что в её доме чужая женщина, ещё до того, как открыла дверь.

Не по голосу. Не по смеху. В квартире было слишком тихо для смеха.

Она поняла это по запаху.

Не её духи.

Тонкий, дорогой, холодный аромат стоял в прихожей так уверенно, словно уже успел занять место на вешалке рядом с пальто Тимура, пройтись по коридору, заглянуть в детскую и решить, какие шторы здесь надо заменить.

Амина задержала ключ в замке. Лейла, прижимая к груди маленький рюкзачок с блестящим зайцем, нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

— Мам, ну открывай, — шепнула она, хотя обычно дома

никогда не шептала. — Я хочу показать папе рисунок.

Амина посмотрела на дочь.

У Лейлы раскраснелись щёки после улицы, косички выбились из-под шапки, а в глазах светилась та самая детская надежда, которую взрослые часто разбивают просто потому, что считают себя вправе решать громче. В рюкзачке лежал рисунок: трое людей под большим жёлтым солнцем. Мама, папа и Лейла. Над ними кривыми буквами было написано: «МОЯ СЕМЯ».

Амина весь путь домой боялась этого рисунка.

Тимур уже неделю был странным. Не раздражённым — это было бы привычнее. Не усталым — усталость у него всегда звучала приказами. Он стал ровным. Слишком ровным. Говорил мало, смотрел мимо, на вопросы отвечал так, словно заранее знал, что скоро эти вопросы перестанут иметь значение.

Вчера он сказал:

— Завтра вернитесь пораньше. Нужно поговорить.

Амина спросила:

— О чём?

Он не поднял глаз от телефона.

— О будущем.

И теперь это будущее пахло чужими духами.

Она открыла дверь.

В прихожей стояли женские сапоги. Высокие, замшевые, светлые. Такие не ставят у порога, если зашли на пять минут.

Такие ставят, когда уже считают, что имеют право пачкать коврик хозяев.

— У нас гости? — тихо спросила Лейла.

Амина заставила себя улыбнуться.

— Похоже на то.

— Бабушка Мадина?

— Нет, родная.

Из кухни донёсся голос Тимура:

— Проходите. Мы ждём.

Не «я жду».

«Мы».

Амина медленно сняла с дочери шапку, расстегнула куртку, повесила её на крючок. Пальцы слушались плохо, но она не позволила себе дёрнуться. В доме Арсановых слабость замечали быстрее, чем пыль на белой скатерти.

Лейла уже вытащила рисунок.

— Мам, я сама покажу?

— Подожди, — сказала Амина и взяла её за руку.

Они вошли в кухню вместе.

За их столом сидела женщина.

Не гостья. Гостья обычно чуть привстаёт, улыбается неловко, ищет глазами хозяйку. Эта не встала. Она сидела на месте Амины — у окна, там, где утренний свет всегда падал на чашку, где Амина кормила Лейлу кашей, где зимой они лепили бумажные снежинки и клеили их на стекло.

Женщина была красива той красотой, которую не просят простить. Тёмные волосы убраны в гладкий низкий пучок, лицо спокойное, губы тронуты тенью улыбки. На ней было бежевое платье, мягкое и дорогое, без одной лишней складки. Рядом с её рукой стояла чашка из сервиза, который Амина доставала только для семейных праздников.

Тимур сидел во главе стола.

Ровный. Собранный. В белой рубашке, будто не дома, а на переговорах. Только пальцы на столешнице лежали слишком неподвижно. Он всегда так делал, когда принял решение и ждал, пока остальные поймут, что спорить уже поздно.

— Амина, — сказал он. — Сядь.

Лейла выскользнула из маминой руки и шагнула к нему.

— Пап, смотри! Я нарисовала…

Тимур не взял рисунок.

Он даже не посмотрел на него сразу. Только задержал взгляд на дочери, и в этом взгляде было что-то чужое, тяжёлое, как закрытая дверь.

— Лейла, поздоровайся, — сказал он.

Девочка обернулась к женщине.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, красавица, — мягко сказала та. — Я Зарема.

Амина почувствовала, как имя ударилось о воздух и осталось висеть между ними.

Зарема.

Не коллега. Не дальняя родственница. Не жена друга.

Имя прозвучало слишком спокойно. Так представляют не случайного человека, а новую неизбежность.

— Тимур, — сказала Амина, не садясь, — кто это?

Женщина чуть подняла брови. Не обиделась. Скорее отметила для себя: хозяйка ещё не понимает своего положения.

Тимур наконец перевёл взгляд на жену.

— Я сказал, сядь.

— А я спросила, кто эта женщина в моём доме.

В кухне стало тише.

Лейла прижала рисунок к груди. Бумага тихо хрустнула под её пальцами.

Тимур откинулся на спинку стула.

— Это больше не твой дом, Амина.

Она ждала чего угодно. Крика. Обвинений. Ссоры, которая давно зрела под потолком их квартиры, как грозовая туча. Но он сказал это так буднично, словно сообщил, что завтра приедет мастер чинить замок.

Амина усмехнулась. Не потому что было смешно, а потому что тело искало хоть какой-то способ не рухнуть прямо там, на плитку, под взглядом женщины в её кресле.

— Вот как.

— Да.

— И ты решил сообщить мне об этом при посторонней?

— Зарема не посторонняя.

Лейла моргнула.

— Папа?

Этот маленький голос прорезал воздух тоньше ножа.

Тимур посмотрел на дочь. На мгновение в его лице что-то дрогнуло, но тут же исчезло. Он умел прятать всё человеческое, когда рядом был кто-то из тех, перед кем нельзя было показать слабость.

— Лейла, иди в комнату. Взрослым нужно поговорить.

— Но я рисунок…

— Потом.

— Тимур, — Амина положила руку дочери на плечо. — Она останется здесь.

— Нет. Она пойдёт в комнату.

— Ты не будешь отдавать распоряжения моему ребёнку так, будто меня нет рядом.

Он медленно поднялся.

Тимур Арсанов был высоким, широкоплечим, красивым мужчиной. Когда-то эта красота казалась Амине защитой. В двадцать два года она верила, что за такими плечами можно спрятаться от любой беды. Потом поняла: иногда беда и есть эти плечи, если они закрывают тебе не опасность, а выход.

— Нашему ребёнку, — сказал он. — Не забывайся.

— Я не забываюсь. Это ты забыл, что у Лейлы есть мать.

Зарема поставила чашку на блюдце. Тихий звон прозвучал неприлично громко.

— Может, не при девочке? — произнесла она.

Амина посмотрела на неё.

— Вы сидите за моим столом рядом с моим мужем и учите меня, при ком мне говорить в моей кухне?

Зарема не отвела глаз.

— Я не хочу с вами ссориться.

— Какая деликатность.

— Амина, хватит, — сказал Тимур.

— Нет. Это ты хватит. Я пришла домой с ребёнком. Здесь чужая женщина. Ты заявляешь, что дом больше не мой. И я должна сесть, улыбнуться и слушать?

— Именно слушать. Потому что от того, как ты сейчас себя поведёшь, зависит, насколько спокойно всё пройдёт.

Амина вдруг очень ясно увидела: он подготовился. Не просто привёл Зарему. Не просто решил унизить жену. Он заранее продумал фразы, порядок действий, её возможные реакции. Он хотел не объяснить, а поставить перед фактом.

Она медленно опустилась на стул. Не потому что подчинилась. Потому что ноги стали ватными, а Лейла смотрела снизу вверх огромными испуганными глазами.

Амина притянула дочь к себе.

— Говори.

Тимур сел напротив.

— Наш брак себя исчерпал.

Слова падали на стол сухо, без сожаления.

— Исчерпал, — повторила Амина. — Как счёт? Как до-

говор? Как запас терпения?

— Не драматизируй.

— А как мне реагировать, Тимур? Подсказать? Может, поздравить вас обоих?

Зарема чуть побледнела, но промолчала.

— Я не собираюсь устраивать сцену, — сказал Тимур. — И тебе не советую. Всё решено. Мы разведёмся спокойно. Ты получишь деньги на первое время, квартиру поменьше, помощь. Я не оставлю тебя на улице.

— Как благородно.

— Не перебивай.

— Это ты сейчас объясняешь мне, насколько удобно меня выносишь из собственной жизни?

Его глаза потемнели.

— Ты будешь обеспечена.

— А Лейла?

Вот теперь он замолчал.

И в этой паузе Амина услышала главное ещё до того, как он произнёс.

Лейла прижалась к её коленям.

— Мамочка?

Амина погладила её по волосам.

— Всё хорошо, родная.

Это была первая ложь за вечер. Маленькая, материнская, отчаянная.

Тимур сложил руки перед собой.

— Лейла останется здесь.

Амина не сразу поняла, что он сказал вслух именно это. Слова будто прошли мимо слуха и ударили куда-то глубже.

— Что?

— Она останется в семье Арсановых.

— В семье Арсановых, — медленно повторила Амина. — А я, значит, где?

— Ты сможешь её видеть.

Лейла заплакала не сразу. Сначала она просто перестала дышать. Потом её нижняя губа задрожала.

— Я не хочу без мамы.

Амина резко обняла её.

— Ты и не будешь без мамы.

Тимур поморщился.

— Не настраивай ребёнка.

— Ты только что сказал шестилетней девочке, что забираешь её у матери, и я её настраиваю?

— Я сказал, что она останется в своём доме.

— Её дом там, где я.

— Нет, Амина. Её дом там, где её фамилия, её кровь, её будущее.

Она посмотрела на Зарему. Та сидела тихо, но уже не прятала взгляда. В её лице было напряжение, почти жадное ожидание, будто решался вопрос о вещи, которую давно обещали подарить.

— А она? — спросила Амина. — Какое отношение она

имеет к моей дочери?

Тимур не ответил сразу.

И снова эта пауза сказала больше, чем все слова.

Зарема заговорила сама:

— Я понимаю, как вам трудно.

Амина тихо рассмеялась.

— Нет. Не понимаете.

— Понимаю, — мягко повторила Зарема. — Но Лейле нужна стабильность. Тимур может дать ей всё. Семью, защиту, воспитание…

— Мать, видимо, вы тоже собираетесь дать?

Зарема опустила глаза.

Тимур резко сказал:

— Хватит.

Но было поздно.

Внутри Амины что-то встало на место. Страшное, ясное, ледяное. До этой секунды она думала, что Тимур хочет развода. Думала, что он влюбился, предал, решил начать новую жизнь. Это было больно, унизительно, но понятно.

Теперь она поняла другое.

Они не просто выталкивали её из дома.

Они освобождали для Заремы место матери.

— Нет, — сказала Амина.

Тимур прищурился.

— Что — нет?

— Всё. Нет.

— Ты ещё не услышала условий.

— Мне не нужны условия, в которых моя дочь остаётся с чужой женщиной.

— Зарема не будет ей чужой.

Лейла всхлипнула так резко, что Амина почувствовала этот звук кожей.

— Она мне чужая!

Зарема вздрогнула.

Тимур поднялся.

— Лейла, не смей так разговаривать.

— Не кричи на неё, — сказала Амина.

— Я не кричу.

— Пока нет. Но ты очень стараешься.

Он сделал шаг к ним.

— Амина, ты сейчас на эмоциях. Я понимаю. Но решение принято взрослыми людьми.

— Какими взрослыми людьми? Тобой и женщиной, которая сегодня впервые видит моего ребёнка?

— Ты не знаешь всего.

— Тогда скажи.

Тимур сжал челюсть.

— Зарема войдёт в мою семью. Лейле нужно привыкать.

— Привыкать к чему? К тому, что её мать можно заменить, как скатерть на столе?

— Не выражайся так.

— А как мне выражаться, Тимур? Ты хочешь забрать у меня дочь, чтобы подарить ей новую маму?

Он молчал.

И это молчание стало признанием.

Амина почувствовала, как Лейла вцепилась в её платье. Маленькие пальцы сжались так сильно, что ткань натянулась. Рисунок упал на пол лицом вниз. Солнце, мама, папа и ребёнок оказались под столом.

Зарема наклонилась, хотела поднять лист.

— Не трогайте, — сказала Амина.

Та замерла.

Амина сама подняла рисунок, аккуратно расправила помятый угол и отдала дочери.

— Иди в свою комнату, собери зайца и любимую книжку.

Тимур резко повернулся к ней.

— Куда это она пойдёт?

— Спать.

— Разговор не окончен.

— Для неё окончен.

— Лейла останется здесь.

Амина посмотрела ему прямо в глаза.

— Попробуй забрать её у меня сейчас.

Впервые за вечер на лице Тимура появилась настоящая злость. Не раздражение, не холодная усталость, а ярость мужчины, которому посмели не подчиниться при свидетеле.

Он понизил голос:

— Не вынуждай меня действовать жёстко.

— Я не вынуждаю. Я предупреждаю.

Зарема поднялась.

— Тимур…

— Сядь, — бросил он, не глядя.

И Амина увидела, как быстро Зарема подчинилась.

Вот она — новая любовь. Новая жена. Новая хозяйка за её столом. С красивой осанкой, с дорогими духами, с тихим голосом. И уже умеет молчать по приказу.

Амина вдруг перестала дрожать.

Не потому что страх ушёл. Он был с ней. Стоял рядом, дышал в затылок, давил на грудь. Но под ним поднималось что-то другое. Жёсткое. Прямое. То, что годами засыпали словами «будь мудрее», «не спорь», «у нас так принято», «Тимур лучше знает».

Нет.

Больше не знает.

— Лейла, — сказала она мягко. — В комнату. Я сейчас приду.

Девочка не двигалась.

— Мам, ты тоже?

— Я тоже.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Лейла сделала шаг, потом ещё один. У двери обернулась

на отца, как будто ждала, что он всё исправит. Скажет, что пошутил. Что взрослая жизнь иногда страшная, но папа не отдаст её чужой женщине.

Тимур смотрел на Амину.

Лейла ушла.

Когда дверь детской закрылась, Амина повернулась к мужу.

— Теперь говори мне правду. Всю.

— Правда простая. Мы с тобой давно чужие.

— С каких пор?

Он отвёл взгляд первым. Едва заметно, но она увидела.

— Неважно.

— Для тебя, может, и неважно. Для меня — да.

Зарема стояла возле стула, бледная, но собранная.

— Я не хотела, чтобы всё было так, — произнесла она.

Амина посмотрела на неё без ненависти. Странно, но ненависти не было. Была холодная ясность.

— А как вы хотели?

— Спокойно.

— Спокойно занять моё место?

— Я люблю Тимура.

— Любите. Я вам не мешаю.

Тимур резко сказал:

— Не говори с ней в таком тоне.

Амина улыбнулась.

— Ты привёл любовницу в дом жены и требуешь, чтобы

жена была вежливой?

— Зарема будет моей женой.

Слова прозвучали окончательно.

Амина кивнула.

— Тогда забирай свои вещи и иди к ней.

— Ты не поняла. Уходишь ты.

— Это моя квартира тоже.

— Документы оформлены не так, как ты думаешь.

Вот теперь он ударил точно.

Амина почувствовала, как внутри провалилась ступенька. Она знала, что в их браке многое записано на Тимура, на его отца, на семейные фирмы, на “так удобнее”. Когда они поженились, он сказал: «Не забивай голову. Ты моя жена, всё моё — твоё». Она поверила. Тогда это звучало как любовь. Теперь оказалось — как ловушка.

— Понятно, — сказала она.

— Я не хочу войны.

— Уже начал.

— Нет. Я предлагаю тебе достойный выход.

— Достойный для кого?

Он подошёл ближе.

— Ты останешься в городе. Будешь видеть Лейлу по графику. Никто не запретит тебе быть рядом, если ты будешь вести себя разумно.

— По графику?

— Да.

— Свою дочь?

— Нашу дочь, которая должна расти в сильной семье.

— В семье, где мать выгоняют при ней из дома?

— Не преувеличивай.

— А что я преувеличила? Женщину за столом? Развод? Твои слова о том, что Лейла останется здесь? Или то, что ты даже её рисунок не взял?

Тимур посмотрел на лист в руках Амины.

На нём жёлтое солнце расплылось там, где Лейла плакала и задела бумагу мокрым пальцем.

Что-то на секунду дрогнуло в его глазах. Но рядом стояла Зарема. За ним, невидимо, стояла вся семья Арсановых — отец, мать, фамилия, род, правила, стены, в которых мужское слово считалось законом просто потому, что произносилось мужским голосом.

И Тимур снова стал камнем.

— Лейла привыкнет.

Вот она, фраза.

Не “ей будет хорошо”.

Не “я люблю её”.

Не “я не хочу её травмировать”.

Привыкнет.

Как привыкают к тесной обуви. К чужому дому. К тому, что плакать бесполезно.

Амина вдруг поняла: если останется ещё на десять минут, её начнут уговаривать, давить, ломать фразами, в которых забота будет звучать как приговор. А потом приедет Саид Арсанов. Или Мадина. Или кто-то из старших. Ей скажут, что она позорит семью, что ребёнку нужна фамилия, что хорошая мать думает не о себе. И к утру она может оказаться без сил, без документов и без дочери.

Она опустила рисунок на стол.

— Ты прав, Тимур.

Он насторожился.

— В чём?

— Разговор окончен.

Амина развернулась и пошла в детскую.

— Амина, — позвал он.

Она не остановилась.

В комнате Лейла сидела на ковре и дрожащими руками складывала в рюкзак плюшевого зайца, книжку со сказками и пижаму. На кровати лежала кукла, которую подарила Мадина, но Лейла даже не посмотрела на неё.

— Мам, мы уходим? — прошептала она.

Амина опустилась перед дочерью на колени.

— Да.

— Папа не разрешит.

— Я твоя мама.

— Он сказал, что я останусь.

Амина взяла лицо девочки в ладони.

— Послушай меня очень внимательно. Ты не вещь. Не подарок. Не чья-то замена. Ты моя дочь. И никто не заберёт тебя у меня просто потому, что так решил.

Лейла всхлипнула.

— А если он будет злиться?

— Пусть злится.

— А мы куда?

— Туда, где нам будет спокойно.

Она сказала это уверенно, хотя не знала, где такое место находится.

За дверью послышались шаги. Тимур остановился в коридоре.

— Амина, выйди.

Она поднялась, открыла шкаф и достала маленький детский чемодан.

— Собирай тёплую кофту, — сказала дочери. — Быстро.

— Амина!

Она открыла дверь.

Тимур стоял в коридоре. За его плечом виднелась Зарема, уже без прежней уверенности.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Укладываю ребёнка.

— Не играй со мной.

— Я давно перестала.

— Ты никуда её не увезёшь.

— Смотри внимательно.

Он шагнул вперёд, но она не отступила.

— Ты понимаешь, что я могу сделать? — спросил он тихо.

— А ты понимаешь, что это услышит твоя дочь?

Тимур замер.

В детской стало совсем тихо. Лейла стояла у кровати, прижимая к себе зайца.

Амина не кричала. Ей нельзя было кричать. Каждый её резкий звук мог стать для Тимура доказательством, что она "не справляется", "на эмоциях", "опасна для спокойствия ребёнка". Она уже слышала эти будущие слова его голосом.

Поэтому она говорила ровно.

— Сейчас ты отойдёшь. Лейла переоденется, умоется и ляжет спать. А завтра мы продолжим разговор.

Он изучал её лицо.

— Ты думаешь, я не вижу, что ты задумала?

— Думаю, ты впервые за вечер смотришь на меня, а не сквозь меня.

Это почему-то ударило сильнее, чем оскорбление. Тимур сжал пальцы, потом медленно отступил.

— У тебя до утра, — сказал он. — Потом я сам решу.

— Ты уже решил слишком много.

Он ушёл.

Амина закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Лейла подбежала к ней.

— Мам?

— Тихо, родная. Сейчас будем играть.

— Во что?

— В очень важную игру. Называется “не разбуди дом”.

Девочка кивнула серьёзно, хотя губы всё ещё дрожали.

Амина действовала быстро.

Паспорт. Свидетельство Лейлы. Несколько документов из папки, которую Тимур считал слишком скучной для женского внимания. Маленькая сумма наличными из коробки с зимними шарфами. Две кофты. Платье дочери. Зарядка. Ключи. Тёплые носки. Рисунок.

Каждый предмет казался либо спасением, либо лишней тяжестью. Хотелось взять всё и одновременно ничего. Дом, где она прожила семь лет, внезапно стал чужим складом вещей, в котором нужно было найти только то, что поможет пережить первую ночь свободы.

За стеной глухо звучали голоса.

Тимур говорил с Заремой на кухне. Слов не разобрать, но тон был жёсткий. Зарема отвечала тише. Один раз Амина услышала своё имя. Потом имя Лейлы.

Девочка вздрогнула.

— Они про меня?

— Не слушай.

— А если новая тётя будет жить с папой?

Амина застыла у шкафа.

Вот он, вопрос, который нельзя отложить до взрослого мира. Дети не ждут удобного момента. Их страхи приходят сразу и садятся рядом.

— Это решает папа, — осторожно сказала она. — Но никто не станет твоей мамой вместо меня.

— Никогда?

— Никогда.

Лейла подошла ближе.

— А если она будет просить?

Амина закрыла чемодан.

— Тогда ты скажешь: “У меня уже есть мама”.

— А если папа рассердится?

Амина присела рядом с ней.

— Тогда он будет неправ.

Лейла долго смотрела на неё.

— Взрослые тоже бывают неправы?

— Да.

— Даже папа?

Сердце Амины сжалось, но она не отвела глаз.

— Даже папа.

Около полуночи квартира наконец затихла.

Тимур ушёл в кабинет. Зарема, судя по звуку двери, осталась в гостевой комнате. Гостевой. Амина почти улыбнулась этому слову. Как легко дом меняет названия комнат, когда из него вычёркивают прежнюю хозяйку.

Она дождалась ещё двадцать минут.

Лейла сидела на кровати полностью одетая, с рюкзаком на коленях. Сон клевал её маленькую голову, но она упрямо держалась.

— Мам, я не засну.

— И не надо.

— Мы сейчас?

— Сейчас.

Амина выключила свет в детской, оставив только ночник. Потом приоткрыла дверь.

Коридор был пуст.

Она взяла чемодан в одну руку, Лейлу — за другую.

Они шли медленно. Каждая доска, каждый шорох куртки, каждый вдох казались слишком громкими. У двери кабинета Амина остановилась. Изнутри не доносилось ни звука.

Тимур не спал. Она знала.

Такие мужчины не спят, когда в доме непокорная жена. Они ждут, уверенные, что страх сделает за них половину работы.

Амина сняла с крючка свою куртку, потом куртку Лейлы. Девочка пыталась попасть рукавом не в тот проём, пальцы путались. Амина помогла ей молча.

Ключ повернулся в замке почти беззвучно.

Почти.

Дверь кабинета открылась.

— Куда? — спросил Тимур.

Амина закрыла глаза на долю секунды.

Не успела.

Лейла вцепилась в её руку.

Тимур стоял в тёмном проёме, в расстёгнутой рубашке,

босой, но от этого не менее опасный. В полумраке его лицо казалось вырезанным из камня.

— Вернись в комнату, — сказал он.

Амина повернулась.

— Нет.

— Я не с тобой говорю.

Лейла тихо пискнула и спряталась за мать.

Амина поставила чемодан у ноги.

— Не смей обращаться к ней так.

Он медленно пошёл к ним.

— Ты сейчас совершаешь большую ошибку.

— Нет. Самую правильную вещь за последние семь лет.

Эти слова вырвались сами. Она не планировала говорить их. Но когда произнесла, поняла, что это правда.

Тимур остановился в двух шагах.

— Ты не вывезешь её из этого дома.

— Я не спрашиваю разрешения.

— Я её отец.

— Тогда веди себя как отец. Не как хозяин.

Он резко протянул руку к Лейле.

Девочка вскрикнула.

Амина шагнула между ними так быстро, что Тимур не успел коснуться ребёнка.

— Ещё раз, — сказала она очень тихо, — и этот момент ты будешь объяснять не мне.

Он посмотрел на неё с таким удивлением, будто впервые

увидел в доме незнакомую женщину. Не тихую жену. Не удобную мать его ребёнка. Не ту, что сглаживала углы, извинялась за чужую грубость и годами верила, что терпение спасает семью.

Перед ним стояла женщина, которую он сам загнал к краю.

И теперь она не отступала.

Из гостевой вышла Зарема. На ней был длинный светлый халат. Она остановилась, увидев их у двери.

— Тимур, может, пусть она уйдёт? — тихо сказала она. — Утром…

Он бросил на неё взгляд.

— Молчи.

Амина усмехнулась.

— Привыкайте, Зарема. Это у него вместо нежности.

Щёки Заремы вспыхнули.

Тимур снова посмотрел на Амину.

— Ты вернёшься.

— Нет.

— Вернёшься сама. Потому что без меня ты ничего не сможешь.

— Посмотрим.

— Деньги закончатся. Люди отвернутся. Твои подруги испугаются. Моя семья не позволит тебе устроить цирк из развода.

— Я не собираюсь устраивать цирк.

Она подняла чемодан.

— Я собираюсь защитить дочь.

— От меня?

Впервые в его голосе прозвучало что-то почти настоящее. Не боль — он бы никогда не позволил ей услышать боль. Скорее оскорблённое недоумение.

Амина посмотрела на него долго.

— Сегодня — да.

Он отступил не сразу. Но отступил.

Амина открыла дверь.

Лестничная клетка встретила их холодом и запахом мокрого бетона. Лейла прижалась к ней всем телом. За спиной стояли Тимур и Зарема — прошлое и его новая хозяйка.

— Амина, — сказал он уже тише.

Она не обернулась.

— Завтра я приеду за дочерью.

Теперь она посмотрела через плечо.

— Завтра ты узнаешь, что у дочери есть мать.

Дверь закрылась между ними.

На лестнице Лейла наконец заплакала. Беззвучно, только плечи затряслись. Амина поставила чемодан, присела и обняла её.

— Тише, родная. Мы вышли. Всё, мы вышли.

— Папа нас не любит?

Вот тут Амина едва не сломалась.

Она могла бы сказать: любит. Могла бы спасти Тимура в

глазах дочери красивой ложью. Но сегодня слишком много лжи уже стояло за их столом.

— Папа запутался в том, что считает правильным, — сказала она. — Но любовь не должна пугать. Запомни это.

Лейла всхлипнула и кивнула.

На улице было темно и сыро. Двор казался чужим, хотя Амина знала каждую трещину на дорожке, каждую лавочку, каждый фонарь. Так странно: место остаётся тем же, а жизнь за одну ночь становится другой.

Она шла быстро, держа Лейлу за руку. Чемодан подпрыгивал на плитке. Телефон в кармане завибрировал почти сразу.

Тимур.

Амина не ответила.

Через минуту снова.

Потом пришло сообщение.

Она не хотела смотреть. Но посмотрела.

«Вернись. Не вынуждай меня забирать своё силой».

Амина остановилась под фонарём. Лейла сонно подняла голову.

— Это папа?

— Да.

— Он злится?

Амина удалила сообщение с экрана, но не из памяти.

— Очень.

— А ты боишься?

Она могла соврать снова.

Но дочь держала её за руку, и в этой маленькой ладони было больше доверия, чем во всех клятвах, которые Тимур когда-то произносил на свадьбе.

— Боюсь, — сказала Амина. — Но всё равно иду.

Лейла подумала и крепче сжала её пальцы.

— Тогда я тоже.

Они дошли до конца двора. Там, у выезда, стояла чёрная машина с выключенными фарами.

Амина заметила её слишком поздно.

Дверь открылась.

Из машины вышел мужчина.

Высокий, в тёмном пальто, с лицом, которое она видела однажды много лет назад — на семейном торжестве Арсановых. Тогда он стоял в стороне, не улыбался и смотрел на Тимура так, будто знал о нём то, чего не знали остальные.

Руслан Бероев.

Амина замерла.

— Не пугайтесь, — сказал он спокойно. — Я не от Тимура.

Она прижала Лейлу к себе.

— Тогда от кого?

Руслан посмотрел на окна их квартиры. В одном из них уже горел свет.

— От человека, который слишком хорошо знает, что семья Арсановых делает с женщинами, когда те пытаются уйти.

Амина почувствовала, как холод проходит по спине.

— Нам не нужна помощь.

— Нужна, — сказал он. — Просто вы ещё не знаете, насколько быстро они начнут.

Телефон снова завибрировал в её кармане.

Руслан перевёл взгляд на чемодан, на бледное лицо Лейлы, на пальцы Амины, сжатые до белизны.

— У вас есть документы?

Амина не ответила.

— Хорошо, — кивнул он, будто молчание было ответом. — Тогда у нас есть шанс.

— На что?

Он открыл заднюю дверь машины, но не сделал ни шага к ним.

— На то, чтобы завтра утром ваша дочь всё ещё была с вами.

Глава 2. Беги, пока они не закрыли ворота

— Садитесь, — сказал Руслан.

Амина не двинулась.

Ночная улица будто сжалась вокруг них: мокрый асфальт, жёлтый круг света под фонарём, чёрная машина у выезда со двора и мужчина, появившийся слишком вовремя, чтобы это было случайностью. Где-то наверху хлопнула форточка. В окне их квартиры горел свет. Тимур уже не просто звонил — он смотрел.

Лейла спрятала лицо в мамину куртку.

— Мам, я хочу уйти.

— Мы уйдём, родная, — сказала Амина, не сводя глаз с Руслана.

Он стоял у открытой двери машины и не торопил их жестом. Не делал шага ближе. Не протягивал рук к ребёнку. Просто ждал, словно понимал: после Тимура любое мужское “быстрее” будет звучать как приказ.

И именно это заставляло Амину колебаться сильнее.

— Вы следили за нами? — спросила она.

— За домом.

— Прекрасная разница.

— Большая, — спокойно ответил Руслан. — Если бы я

следил за вами, вы бы меня не увидели.

Она сжала ручку чемодана так, что ногти больно впились в ладонь.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Это должно сэкономить нам время.

Телефон снова задрожал. На экране высветилось имя Тимура. Амина смотрела на звонок и не отвечала. Внутри всё ещё звучала его фраза: “Не вынуждай меня забирать своё силой”. Он умел подбирать слова так, чтобы они оставались в коже занозами.

Руслан бросил короткий взгляд на телефон.

— Он спустится через минуту.

— Откуда вы знаете?

— Потому что такие, как Тимур, сначала ждут, что женщина испугается сама. Потом выходят за ней. А если она при ребёнке не возвращается — зовут тех, кто будет говорить вместо них мягче и страшнее.

Амина усмехнулась без веселья.

— Вы очень уверенно говорите о моей семье.

— Я говорю о семье Арсановых.

— Это одно и то же.

— Уже нет.

Эти два слова ударили неожиданно сильно.

Уже нет.

Ещё час назад у неё был дом, муж, стол у окна, шкаф с детскими кофтами, утренний чай, рисунок дочери про семью.

Теперь всё это осталось за дверью подъезда, где наверняка уже стоял Тимур и решал, сколько минут дать ей на бегство, чтобы потом назвать его истерикой.

Лейла потянула её за рукав.

— Мам, он идёт?

Амина подняла взгляд.

В подъезде вспыхнул свет.

Руслан тоже увидел.

— Решайте сейчас.

— Я не сяду в машину к незнакомому мужчине с ребёнком.

— Правильно. Тогда садитесь в такси, которое будете ждать здесь ещё десять минут, пока он спускается. Или идите пешком с чемоданом, чтобы он догнал вас у ворот. Или позвоните подруге и объясняйте ей, почему ваша дочь плачет ночью во дворе.

— Вы предлагаете довериться вам?

— Я предлагаю выбрать меньший риск.

Дверь подъезда открылась.

На пороге появился Тимур.

Даже издалека Амина узнала его походку. Резкую, быструю, сдержанную только потому, что во дворе могли быть свидетели. Он уже надел пальто поверх расстёгнутой рубашки. Телефон был у него в руке.

Руслан не обернулся. Только тише произнёс:

— Если он подойдёт первым, вы не уедете без сцены. Ре-

бёнок увидит ещё больше. Садитесь.

Амина ненавидела то, что он прав.

Она открыла заднюю дверь шире, посадила Лейлу внутрь, поставила рядом чемодан и села следом, не выпуская дочь из объятий. Руслан закрыл дверь мягко, без хлопка, обошёл машину и сел за руль.

Тимур уже шёл к ним.

— Не закрывайте двери, — сказала Амина.

— Не собирался.

Машина тронулась в тот момент, когда Тимур ускорил шаг.

Фары разрезали двор. Лейла вжалась в Амину, не оглядываясь, но сама Амина не удержалась. Через заднее стекло она увидела Тимура посреди мокрой дорожки. Он остановился под фонарём, высокий, тёмный, неподвижный. В руке светился телефон. Его лицо нельзя было разобрать, но Амина и без того знала это выражение.

Не боль.

Не сожаление.

Оскорблённая власть.

Телефон в её кармане снова завибрировал.

На этот раз сообщение было коротким.

«Ты пожалеешь».

Амина погасила экран.

— Он написал? — спросил Руслан.

— Это не ваше дело.

— Уже моё, если вы хотите, чтобы утром Лейла была с вами.

— Я ещё не сказала, что хочу вашей помощи.

— Вы сели в машину.

— Потому что он вышел.

— Значит, у вас есть инстинкт самосохранения. Это хорошее начало.

Амина посмотрела на его профиль в зеркале. Спокойное лицо, прямой нос, тяжёлый взгляд на дорогу. Он не был похож на тех мужчин, которые суетятся, когда хотят понравиться. В нём было что-то настораживающе собранное. Он будто жил в мире, где каждое слово имело цену, а лишние движения могли стоить слишком дорого.

— Куда вы нас везёте? — спросила она.

— Куда скажете.

— Тогда остановите машину.

— Здесь?

— Да.

— Нет.

— Вы сказали, куда скажу.

— А я сказал это женщине, которая думает, а не той, которая испугалась и хочет выйти на пустой улице в час ночи с шестилетним ребёнком.

— Не разговаривайте со мной как Тимур.

Машина на секунду стала тише, хотя двигатель работал ровно.

— Справедливо, — сказал Руслан. — Куда вас отвезти?

Амина отвернулась к окну.

К матери нельзя. Та жила в другом городе и давно боялась Тимура так, как боятся людей, которых ни разу не видели в настоящем гневе, но уже поняли по голосу, что лучше не спорить. В гостиницу нельзя: Тимур найдёт по звонкам, по знакомым, по следам карточки, по тому самому невидимому кругу возможностей, который всегда был у Арсановых и никогда — у неё. К соседке нельзя. К бывшим коллегам тоже.

Оставалась Инга.

Инга, с которой они учились вместе, потом почти потерялись после свадьбы Амины, но иногда созванивались по праздникам. Инга всегда говорила: “Если что — приезжай”. Люди часто так говорят, не думая, что однажды в их дверь действительно постучат ночью женщина с ребёнком и чемоданом.

— У меня есть подруга, — сказала Амина. — На улице Садовой.

Руслан кивнул.

— Номер дома?

Она назвала адрес.

— Предупредите её.

Амина набрала Ингу дрожащими пальцами.

Гудки тянулись долго. Слишком долго. Лейла уже почти засыпала у неё на коленях, но вздрагивала при каждом повороте машины.

Наконец в трубке послышался хриплый сонный голос:

— Амина? Ты с ума сошла? Что случилось?

Амина открыла рот и вдруг не смогла произнести ни слова.

Потому что если сказать “Тимур привёл другую”, это будет слишком мало. Если сказать “он хочет забрать Лейлу”, это станет правдой окончательно. Если сказать “мне некуда идти”, она впервые за много лет признает, что дом, который она строила руками, теплом, молчанием и терпением, никогда ей не принадлежал.

— Инга, — выдохнула она. — Можно мы приедем?

Пауза длилась меньше секунды.

— Конечно. С Лейлой?

— Да.

— Адрес помнишь?

— Да.

— Я открою подъезд. Едешь одна?

Амина посмотрела на Руслана.

— Нет. Нас подвезли.

Инга услышала то, чего Амина не сказала.

— Это из-за Тимура?

Амина закрыла глаза.

— Да.

Голос подруги стал другим. Бодрым. Жёстким.

— Приезжай. Я сейчас встану.

Когда Амина отключилась, Руслан сказал:

— Хорошая подруга.

— Вы не знаете её.

— Она не стала задавать лишних вопросов. В такую ночь это редкое качество.

— В такую ночь все люди кажутся лучше или хуже, чем были вчера.

— Нет, — сказал он. — В такую ночь они становятся собой.

Амина не ответила.

За окном город плыл чёрными стеклами, закрытыми окнами, редкими фонарями. Где-то люди спали, не зная, что у других в эту минуту рушатся семьи, меняются судьбы, дети учатся спрашивать: “Папа нас не любит?” Она никогда не думала, что свобода будет выглядеть так — чемодан на полу чужой машины, дочь с мокрыми ресницами, незнакомый мужчина за рулём и телефон, который продолжает дрожать, как пойманная змея.

У дома Инги Руслан остановился не у подъезда, а чуть дальше.

— Почему здесь? — спросила Амина.

— Чтобы не светить номер машины перед камерами у входа.

— Вы всегда так думаете?

— Когда речь об Арсановых — да.

Она хотела спросить, откуда эта ненависть. Или опыт. Или что бы это ни было. Но Лейла сонно зашевелилась.

— Мам, мы приехали?

— Да, родная.

— Это наш новый дом?

Амина почувствовала, как горло сжалось.

— Пока просто место, где можно поспать.

— А папа придёт?

Руслан вышел из машины и открыл дверь с их стороны. Услышал вопрос, но не вмешался.

Амина погладила дочь по волосам.

— Я не дам ему тебя напугать.

— Он всё равно придёт?

— Может быть.

— Тогда я не хочу спать.

— Захочешь. Я буду рядом.

Инга встретила их в подъезде в старом длинном свитере и с волосами, собранными кое-как. Увидев лицо Амины, она ничего не сказала. Только обняла её одной рукой, второй притянула к себе Лейлу.

— Малышка моя, замёрзла?

Лейла отрицательно мотнула головой, но сразу прижалась к ней.

Инга перевела взгляд на Руслана.

— Это кто?

— Руслан Бероев, — ответил он сам. — Я их подвёз.

— Просто подвёз?

— Пока да.

Инга посмотрела на Амину. Та едва заметно кивнула.

— Спасибо, — сухо сказала подруга.

— Не за что.

Руслан достал из внутреннего кармана визитку и протянул Амине.

Она не взяла.

— Я не нанимала вас.

— И я не выставлял счёт.

— Тогда зачем?

— Потому что завтра Тимур будет действовать быстрее, чем вы думаете. У вас есть документы?

— Есть.

— Не отдавайте никому. Даже подруге.

Инга возмущённо вскинула брови.

— Я вообще-то рядом стою.

— Поэтому и говорю при вас. Документы должны быть у Амины. Ночью выключите звук телефона, но сам телефон не выключайте. Все сообщения сохраняйте. На звонки не отвечайте, если не готовы говорить спокойно. Если всё же ответите — только без крика и угроз. Ему сейчас выгодно выставить вас неуравновешенной.

Амина горько улыбнулась.

— Он уже пытался.

— Значит, попытается снова. И сильнее.

— Откуда вы всё это знаете?

Руслан задержал на ней взгляд.

— Потому что одна женщина из семьи Арсановых однажды не успела уйти вовремя.

Инга медленно выдохнула.

— Это вы сейчас пугаете?

— Предупреждаю.

Он посмотрел на Лейлу, которая почти спала стоя, положив голову на плечо Инги, и голос его стал ниже:

— При ребёнке я не буду говорить больше. Утром решите, звонить мне или нет. Но если у подъезда появятся люди Тимура, не разговаривайте через дверь и не выходите одна.

— Люди Тимура? — переспросила Амина.

— Он не всегда ходит сам.

И ушёл.

Просто повернулся и спустился по лестнице, не дожидаясь благодарности, вопросов или доверия, которого у Амины всё равно не было. Дверь подъезда закрылась за ним с тихим металлическим стуком.

Инга ещё секунду смотрела вниз, потом сказала:

— Ну что, подруга. Хорошо замуж сходила.

Амина вдруг рассмеялась.

Смех вышел коротким, сломанным, почти беззвучным. Инга испугалась, но Амина махнула рукой.

— Не начинай. Я сама знаю.

— Я не начинаю. Я сейчас чай поставлю, ребёнка уложу, а потом ты мне всё расскажешь. Или не расскажешь. Но плакать будешь на кухне, потому что у меня диван новый, я его

слезами не крестила.

— Инга…

— Молчи. Разувайтесь.

Квартира у Инги была маленькая, тёплая и хаотичная. На стуле лежали ткани, у стены стояла гладильная доска, на подоконнике теснились горшки с зеленью. Здесь не было дорогой строгости дома Арсановых, где каждая вещь стояла так, будто боялась ошибиться. Здесь жили. Шумно, неидеально, по-настоящему.

Инга постелила Лейле на раскладном кресле в своей комнате. Девочка не хотела отпускать мамину руку.

— Ты никуда? — спросила она уже сквозь сон.

— Никуда.

— А если папа позвонит?

— Я рядом.

— А тётя Зарема не придёт?

Амина наклонилась и поцеловала её в лоб.

— Нет.

— Она хотела быть моей мамой?

Инга замерла у шкафа, держа в руках плед.

Амина прикрыла глаза. Как ответить на это так, чтобы не добить ребёнка правдой и не предать её ложью?

— Она хотела занять место, которое ей не принадлежит, — тихо сказала Амина. — Но место мамы уже занято.

Лейла прижала к себе плюшевого зайца.

— Тобой.

— Мной.

— Навсегда?

— Навсегда.

Девочка уснула не сразу. Несколько раз открывала глаза, проверяла, сидит ли Амина рядом. Потом дыхание стало ровнее, пальцы разжались, и Амина осторожно высвободила руку.

На кухне Инга поставила перед ней кружку.

— Рассказывай.

Амина обхватила кружку ладонями и поняла, что не чувствует тепла. Страх не отпускал. Он просто сменил форму: из острого стал глухим, тяжёлым, как мокрое пальто.

Она рассказала.

Не всё сразу. Сначала про запах чужих духов. Про сапоги в прихожей. Про Зарему за её столом. Про рисунок, который Тимур не взял. Потом про слова “Лейла останется здесь”. На этом месте Инга выругалась сквозь зубы, отвернулась к окну и долго молчала.

— Он совсем… — начала она и оборвала себя, бросив взгляд в сторону комнаты. — Совсем потерял берега.

— Он был спокоен, Инг. Понимаешь? Не как человек, который предаёт. Как человек, который оформляет доставку мебели.

— А эта?

— Зарема?

— Угу.

Амина посмотрела в кружку.

— Красивая. Тихая. Уже почти хозяйка.

— Не хозяйка. Временщица.

— Ты её не видела.

— Мне хватает того, что она села за твой стол.

Эта фраза неожиданно задела сильнее, чем всё сказанное до неё.

За твой стол.

Не в квартиру. Не к мужу. За стол. В самое простое, самое домашнее место, где ребёнок ел кашу, где Амина резала яблоки, где ждала Тимура с ужином, когда он задерживался и не предупреждал. В место, которое не значилось ни в каких документах, но принадлежало ей больше любого имущества.

Телефон зажёгся снова.

На этот раз звонила Мадина.

Амина смотрела на имя свекрови и не знала, что чувствует. Мадина не была злой. Или, точнее, не казалась злой, когда это не требовалось семье. Она могла привезти Лейле платье, поцеловать Амину в щёку, сказать: “Ты стала совсем худенькая, ешь больше”. А потом тем же мягким голосом добавить: “Жена должна быть мудрой, доченька. Мужчина не любит, когда ему перечат при людях”.

— Не бери, — сказала Инга.

— Если не возьму, она приедет.

— А если возьмёшь, начнёт давить.

— Она всё равно начнёт.

Амина провела пальцем по экрану.

— Да, Мадина.

— Аминочка, — голос свекрови был ласковым, почти сонным. — Ты где?

Вот оно. Не “что случилось”, не “как Лейла”, не “почему ты ушла ночью”.

Ты где?

— Лейла спит, — сказала Амина. — Мы в безопасности.

На другом конце возникла пауза.

— Тимур очень переживает.

Инга беззвучно рассмеялась и закрыла лицо ладонью.

Амина выпрямилась.

— Он сам напугал ребёнка.

— Мужчины иногда говорят резко. Ты же знаешь его характер.

— Да. Теперь знаю особенно хорошо.

— Не надо так, Амина. Вы семья. У всех бывают тяжёлые разговоры. Ты могла бы дождаться утра.

— Чтобы Лейла проснулась в доме, где ей уже выбрали новую мать?

Мадина тяжело вдохнула.

— Никто ей не выбирал новую мать.

— Тогда почему Тимур сказал, что она останется с ним и Заремой?

— Он сказал это сгоряча.

— Он был спокоен.

— Амина, послушай старшую женщину. Сейчас ты обижена. Тебе кажется, что весь мир против тебя. Но девочка Арсанова. Она не должна скитаться по чужим углам.

Амина закрыла глаза.

Вот и началось.

Не угроза. Не крик. Забота, завёрнутая в шелковую верёвку.

— Лейла не скитается. Она с матерью.

— Мать должна думать, что лучше для ребёнка.

— Я именно это и делаю.

— Лучше для ребёнка — дом, фамилия, отец, достаток, уважение. Тимур не бросит её. Саид тоже не позволит, чтобы внучка росла непонятно где.

— Непонятно где — это рядом со мной?

— Ты передёргиваешь.

— Нет, Мадина. Я впервые называю вещи своими именами.

Свекровь помолчала. Когда заговорила снова, ласки в голосе стало меньше.

— Вернись утром. Одна. Лейлу оставь дома.

— Нет.

— Не торопись отвечать.

— Я уже ответила.

— Ты не понимаешь, с кем споришь.

Инга подняла голову.

Амина медленно поставила кружку на стол.

— Я спорю не с кем. Я защищаю дочь.

— От родного отца?

— От решения, которое он принял без меня и без неё.

— Ты не вывезешь эту тяжесть, Амина.

Та же мысль. Другой голос.

Без меня ты ничего не сможешь.

Ты не вывезешь.

Они говорили разными словами, но били в одно место: туда, где она сама боялась поверить, что действительно не справится.

И вдруг Амина устала бояться именно этого.

— Может быть, мне будет трудно, — сказала она. — Но я справлюсь лучше, чем Лейла справится с тем, что её мать отдали за дверь.

На другом конце стало тихо.

— Ты стала жёсткой.

— Нет. Просто вы больше не слышите меня мягкой.

Мадина не сразу ответила.

— Саид будет недоволен.

— Передайте ему, что моя дочь — не его имущество.

— Не говори слов, о которых пожалеешь.

— Я уже слишком долго молчала о том, о чём жалела.

Амина отключила звонок.

Руки у неё тряслись. Инга молча подвинула к ней салфетку, потом убрала, поняв, что слёз нет.

— Ты сейчас была красивая, — сказала она.

— Я была напуганная.

— Одно другому не мешает.

Амина хотела ответить, но телефон снова ожил. Теперь сообщения посыпались одно за другим.

От Тимура:

«Ты не понимаешь, что делаешь».

От неизвестного номера:

«Амина, не позорь семью. Верни ребёнка».

От Мадины:

«Подумай о Лейле. Не ломай ей жизнь».

От Тимура:

«Утром я заберу её. Не заставляй меня действовать официально».

Амина перечитала последнюю фразу дважды.

— Официально, — прошептала она.

Инга заглянула в экран.

— Это что значит?

— Не знаю.

Но она уже знала.

Руслан сказал: утром Тимур будет действовать быстрее, чем она думает.

И вот утро ещё не наступило, а слово уже пришло.

Официально.

Ночью Амина почти не спала.

Она сидела рядом с креслом, где спала Лейла, и слушала город за окном. Каждый звук казался шагами. Каждый хлопок двери в подъезде — началом беды. Инга несколько раз заходила, пыталась заставить её лечь, но Амина только качала головой.

— Я посижу.

— Ты так свалишься.

— Потом.

— Это “потом” у тебя уже семь лет длится.

Амина посмотрела на подругу.

Инга смягчилась.

— Прости.

— Не за что. Ты права.

Под утро Лейла проснулась и долго не понимала, где находится. Потом вспомнила, села и сразу спросила:

— Папа пришёл?

— Нет.

— А мы сегодня домой?

Амина присела перед ней.

— Нет,родная. Сегодня мы будем решать взрослые дела.

— А садик?

— Сегодня не пойдёшь.

— Потому что папа?

— Потому что нам нужно побыть вместе.

Лейла задумалась.

— А мой рисунок где?

Амина достала сложенный лист из сумки.

Девочка взяла его и разгладила на коленях. Солнце было помято, один угол надорван. Лейла посмотрела на нарисованного папу и вдруг перевернула лист лицом вниз.

— Я потом новый нарисую, — сказала она. — Без тёти Заремы.

Амина обняла её так бережно, словно держала не ребёнка, а весь смысл собственной жизни.

В девять утра Тимур приехал.

Сначала позвонил домофон.

Инга подошла к трубке, но Амина остановила её жестом. Они стояли в прихожей, глядя на маленький белый аппарат на стене, будто оттуда мог вылезти сам Тимур.

Звонок повторился.

Потом телефон Амины зажёгся.

«Я внизу. Спускайся с Лейлой».

Амина набрала ответ медленно, проверяя каждое слово.

«Лейла со мной. Мы в безопасности. Все вопросы будем решать спокойно и законно».

Ответ пришёл мгновенно.

«Не играй в умную. Я знаю, где ты».

Инга побледнела.

— Откуда?

Амина не ответила. Она подошла к окну сбоку, так, чтобы её не было видно снизу, и осторожно выглянула.

У подъезда стояла машина Тимура. Рядом — ещё одна. В ней сидели двое мужчин. Не охрана в явном смысле, не люди из страшных историй. Просто крепкие, уверенные, чужие мужчины, которым было всё равно, чью дверь им придётся ждать и сколько времени.

Тимур стоял у входа, говорил по телефону и смотрел на окна.

Лейла вышла из комнаты с зайцем в руках.

— Мам?

Амина мгновенно отошла от окна.

— Всё хорошо.

Инга посмотрела на неё с укором: опять эта фраза.

Амина опустилась на колени перед дочерью.

— Папа приехал. Я сейчас поговорю с ним по телефону. Ты посидишь с тётей Ингой на кухне.

— Он заберёт меня?

— Нет.

— А если он скажет, что я должна?

— Ты никому ничего не должна, кроме как быть ребёнком.

Лейла кивнула, но глаза стали мокрыми.

Инга увела её на кухню, включила мультик на маленькой громкости. Амина вернулась к окну. Телефон снова зазво-

нил.

Она ответила.

— Да.

— Спускайся.

Голос Тимура был ледяным.

— Нет.

— Я не буду разговаривать с тобой через телефон, когда ты сидишь в чужой квартире с моей дочерью.

— Тогда не разговаривай.

— Амина.

В одном её имени прозвучало предупреждение. Раньше ей хватало этого тона, чтобы отступить. Он произносил так "Амина" при гостях, при родителях, в машине, когда она задавала лишний вопрос. И она замолкала, потому что не хотела ссоры.

Теперь молчание стоило бы Лейлы.

— Я слушаю, — сказала она.

— Ты выйдешь. Мы сядем в машину и поедем домой.

— Нет.

— Лейлу я заберу.

— Нет.

— Ты повторяешь одно слово, потому что больше ничего не можешь предложить?

— Потому что это единственное слово, которое тебе нужно понять.

Он коротко усмехнулся.

— Ты стала смелой рядом с чужим мужиком?

Амина помолчала.

— Руслан здесь ни при чём.

— Я не называл имени.

Она поняла ошибку сразу.

Слишком поздно.

На другом конце повисла тишина. Потом Тимур заговорил уже иначе — медленно, почти мягко.

— Значит, Бероев.

Амина закрыла глаза.

Инга, стоявшая рядом, беззвучно спросила: “Что?”

Амина покачала головой.

— Ты его знаешь, — сказал Тимур.

— Он подвёз нас ночью. Всё.

— Конечно.

— Не начинай.

— А ты давно с ним общаешься?

— Не смей.

— Ты уходишь ночью с моей дочерью, садишься в машину к Бероеву, прячешься у подружки и ещё говоришь мне “не смей”?

— Я ушла, потому что ты хотел оставить Лейлу с Заремой.

— Я хотел дать дочери нормальную семью.

— У неё была семья.

— Ты сама её разрушила.

Это было так нагло, что Амина даже не сразу нашла ответ.

— Я?

— Да. Женщина, которая ночью уносит ребёнка из дома, разрушает семью. Не мужчина, который пытается всё решить спокойно.

— Ты привёл другую женщину за мой стол.

— Не повышай голос.

— Я не повышаю.

— У тебя истерика.

Амина вдруг поняла, что он говорил не только с ней.

Где-то рядом с ним кто-то слушал. Может, те двое в машине. Может, он включил громкую связь. Может, просто собирал её слова, чтобы потом разложить их перед нужными людьми как доказательства.

Руслан был прав.

Ему выгодно выставить её неуравновешенной.

Амина вдохнула медленно.

— Тимур, я говорю спокойно. Лейла останется со мной. Если ты хочешь её увидеть, мы обсудим это позже и в подходящем месте. Сейчас ты стоишь у чужого подъезда и пугаешь ребёнка.

— Я пугаю? — в его голосе мелькнула ярость. — Ты серьёзно?

— Да.

— Тогда слушай внимательно. У тебя есть час. Через час ты выходишь с Лейлой. Если не выйдешь, я сделаю так, что к вечеру все будут знать, какая ты мать.

— Какая?

— Та, которая увозит ребёнка неизвестно куда. Та, которая общается с мужчинами за моей спиной. Та, которая не может обеспечить дочери нормальную жизнь.

— Это угроза?

— Это реальность.

— Я сохраняю этот разговор, Тимур.

Он замолчал.

Амина сама удивилась, как твёрдо прозвучал её голос.

— Сохраняй, — сказал он наконец. — Только не забудь сохранить, как ты отказываешь отцу видеть дочь.

— Я не отказываю тебе быть отцом. Я отказываю тебе быть хозяином.

Она отключила звонок первой.

И только потом поняла, что всё тело дрожит.

Инга подхватила её за локоть.

— Сядь.

— Не могу.

— Тогда стой, но дыши.

— Они внизу.

— Я вижу.

— Он знает про Руслана.

— И что?

— Не знаю. Но это плохо.

— Плохо уже было вчера, когда он привёл мадам за твой стол. Сейчас хотя бы понятно, кто враг.

Амина посмотрела на подругу.

— Не называй его врагом при Лейле.

— Не буду.

Из кухни донёсся тихий голос девочки:

— Мам, папа ушёл?

Амина быстро вошла к ней.

Лейла сидела за столом, не глядя на экран. Плюшевый заяц лежал перед ней, как маленький свидетель.

— Пока нет, — честно сказала Амина. — Но он не войдёт сюда.

— Он будет сердиться на тётю Ингу?

— Нет.

Инга фыркнула в прихожей, но промолчала.

— А на тебя?

Амина села рядом.

— Может быть.

— Из-за меня?

— Нет. Никогда не думай так. Взрослые сами отвечают за свои решения.

Лейла провела пальцем по ушам зайца.

— А если я скажу папе, что хочу с тобой, он обидится?

Вот чего Тимур уже добился. Ещё ничего не забрал, ещё не поднялся в квартиру, ещё не произнёс ни одной фразы перед дочерью сегодня — а ребёнок уже думал не о своём страхе, а о его обиде.

Амина взяла дочь за руку.

— Ты имеешь право хотеть быть там, где тебе спокойно.

— Даже если папа не согласен?

— Даже тогда.

Лейла кивнула, но видно было: она не верит, что детское “хочу” может весить больше взрослого “надо”.

Через полчаса мужчины у подъезда ушли в машину. Тимур сел за руль своей, но не уехал. Он ждал.

Потом начались звонки от родственников.

Сначала двоюродная сестра Тимура, которую Амина видела два раза в жизни.

— Амина, зачем ты устроила позор? Все уже знают.

— Что именно все знают?

— Что ты сбежала ночью с ребёнком. Тимур места себе не находит.

— Он знает, где мы.

— Вот именно! Зачем доводить мужчину? Верни девочку, а сама разбирайся с ним сколько хочешь.

— Девочка — не сумка, чтобы её вернуть.

— Ты стала очень дерзкой.

Амина отключила.

Потом позвонил старший брат Тимура.

— Не позорь фамилию, — сказал он без приветствия.

— Это не моя фамилия меня вчера предала.

— Следи за языком.

— До свидания.

Потом пришло сообщение от Саида Арсанова.

Не звонок. Не просьба. Одна строка.

«У тебя есть время до вечера исправить ошибку».

Амина показала экран Инге.

Та прочитала и медленно подняла глаза.

— Это уже не семейная ссора.

— Я знаю.

— Звони Бероеву.

— Нет.

— Амина.

— Я не хочу опять зависеть от мужчины.

Инга села напротив неё за кухонный стол.

— Послушай меня внимательно. Помощь — не всегда зависимость. Иногда это просто дверь, которую ты сама не можешь выбить плечом, потому что держишь ребёнка на руках.

Амина посмотрела в комнату, где Лейла строила домик из диванных подушек. Тихо, старательно, будто если построить стены достаточно ровно, никто не сможет их разрушить.

— Я ему не доверяю.

— И правильно. Не доверяй. Но используй его знания.

— Звучит цинично.

— Звучит как взрослая жизнь.

Амина взяла визитку Руслана. Плотная белая карточка. Только имя, номер и короткая строка: юридическая практика. Ничего лишнего. Даже в этом он был сдержан до раздражения.

Она уже почти нажала вызов, когда в дверь позвонили.

Не домофон.

Именно в дверь квартиры.

Инга резко повернула голову.

Лейла выронила подушку.

Амина поднялась так быстро, что стул скрипнул по полу.

Звонок повторился. Длиннее.

— Не открывай, — шепнула Инга.

Амина приложила палец к губам и подошла к двери на цыпочках. Посмотрела в глазок.

На площадке стояла женщина лет пятидесяти в тёмном платке. Рядом с ней — один из мужчин, которых Амина видела в машине у подъезда.

— Кто? — громко спросила Инга, не подходя.

— Откройте, — ответила женщина. — Мы к Амине. От семьи.

От семьи.

Будто семья была учреждением с печатью, приказом и правом входить в чужие квартиры.

Амина молчала.

— Мы знаем, что она здесь, — сказала женщина уже жёстче. — Пусть выйдет поговорить. По-хорошему.

Лейла всхлипнула на кухне.

Амина закрыла глаза на секунду, потом достала телефон и написала Руслану одно слово:

«Приезжайте».

Ответ пришёл почти сразу.

«Дверь не открывать. Я рядом».

Она перечитала сообщение и почувствовала странную смесь облегчения и злости. Рядом. Значит, он снова был где-то неподалёку. Снова знал больше, чем говорил. Снова появлялся прежде, чем она успевала решить, звать его или нет.

За дверью мужчина ударил костяшками по дереву.

— Амина, не заставляй нас стоять тут.

Инга подошла ближе и тоже посмотрела в глазок.

— Я сейчас скажу, что вызову участкового.

— Не надо, — тихо сказала Амина.

— Почему?

— Лейла.

— Она и так всё слышит.

Это было правдой.

Амина обернулась. Дочь стояла в проходе, бледная, с зайцем в руках.

— Они за мной? — спросила она.

Амина подошла к ней, опустилась рядом.

— Нет. За мной. Но я никуда не пойду.

— А если они сломают дверь?

— Не сломают.

Она не знала этого. Но голос должен был знать.

Через несколько минут на лестнице послышались другие шаги. Спокойные. Неспешные. Потом голос Руслана:

— Вы ошиблись дверью.

Женщина за дверью что-то резко ответила, слов было

не разобрать. Мужчина заговорил ниже, угрожающе. Руслан произнёс фразу так тихо, что Амина услышала только конец:

— …при свидетелях и рядом с ребёнком. Подумайте, кому это сейчас нужно.

Наступила пауза.

Потом женщина сказала громче:

— Мы ещё вернёмся.

— Не советую, — ответил Руслан.

Шаги удалились.

Амина не сразу открыла. Подождала, пока Руслан сам произнёс:

— Это я. Они ушли.

Инга посмотрела на Амину.

— Открывать?

Амина кивнула.

Руслан стоял на площадке один. На лице — ни торжества, ни раздражения. Только холодная собранность человека, который ожидал именно такого развития событий.

— Они вас не тронули? — спросил он.

— Нет, — сказала Амина. — Но нашли быстро.

— Потому что Тимур не глупый.

— Вы были рядом.

— Да.

— Почему?

— Потому что сказал ночью: они начнут быстро.

Инга скрестила руки на груди.

— Может, вы уже войдёте и объясните, что происходит? А то у нас тут семейная делегация по подъездам ходит.

Руслан посмотрел на Амину, ожидая её решения.

Не на Ингу. Не мимо. Именно на неё.

И это снова подействовало сильнее, чем просьба. Он не входил в её жизнь без разрешения, хотя, кажется, мог.

— Проходите, — сказала она.

Он вошёл, снял пальто и остановился в прихожей. Лейла выглянула из-за Амины. Руслан сразу присел, чтобы не смотреть на неё сверху вниз.

— Здравствуй, Лейла.

Девочка молчала.

— Я Руслан. Я помогу маме сделать так, чтобы взрослые разговаривали правильно.

— Папа тоже?

— Папа тоже.

— А он будет кричать?

— При мне — нет.

Лейла изучала его серьёзно, по-детски прямо.

— Вы сильнее папы?

Инга тихо втянула воздух.

Амина хотела остановить этот разговор, но Руслан ответил спокойно:

— Нет. Я просто знаю правила, которые твой папа сейчас делает вид, что не слышит.

Лейла подумала и кивнула, будто это было достаточно

убедительно.

— Мам, можно я домик дострою?

— Можно.

Когда девочка ушла в комнату, Руслан повернулся к Амине. Его лицо стало жёстче.

— Теперь слушайте внимательно. У Тимура уже готов план.

Амина почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Какой план?

— Забрать Лейлу через суд. Быстро. С предварительными заявлениями, характеристиками, показаниями родственников и попыткой доказать, что вы действуете под влиянием эмоций, не имеете стабильного жилья и препятствуете общению ребёнка с отцом.

Инга выругалась шёпотом и тут же прикрыла рот рукой.

Амина смотрела на Руслана, не моргая.

— Он не мог подготовить это за ночь.

— Не мог, — сказал Руслан. — Значит, готовил заранее.

Эти слова были хуже звонков. Хуже женщин за дверью. Хуже Тимура под окнами.

Амина вдруг ясно увидела прошедшую неделю: его ровный голос, его “о будущем”, его взгляд мимо, его странное спокойствие. Он не просто решил разводиться. Он готовил не разговор, а отъём.

— Зарема знала? — спросила она.

— Скорее всего, да.

— Мадина?

Руслан помолчал.

— Не знаю. Но Саид точно.

Амина опустилась на стул.

Инга подошла к ней, положила руку на плечо.

— Что делать?

Руслан не отвёл взгляда от Амины.

— Первое — не прятаться без плана. Второе — не отдавать Лейлу “на час поговорить”. Третье — сегодня же подать свою позицию, зафиксировать угрозы и показать, что вы не сбежали, а защищаете ребёнка после давления. Четвёртое — найти место, где вас не достанут родственники у двери.

— У меня нет такого места, — сказала Амина.

— Теперь есть.

Она подняла глаза.

— Нет.

— Я ещё ничего не предложил.

— Вы собирались.

— Да.

— Тогда нет.

Руслан смотрел на неё долго. В его взгляде не было обиды. Только понимание, от которого становилось не легче.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда выберем место вместе. Но сегодня вы должны перестать просто убегать.

— А что я должна делать?

— Бежать так, чтобы они не успели закрыть ворота.

Амина медленно выпрямилась.

— Какие ворота?

Руслан достал из папки несколько листов и положил на стол.

— Те, которые Саид Арсанов уже открывает в суде.

Глава 3. Мужчина, который знает их тайны

На первом листе лежала не бумага.

Приговор.

Амина поняла это не по печати, не по аккуратным строкам, не по фамилии Арсанова, напечатанной вверху так уверенно, будто она уже победила. Она поняла это по тому, как Руслан положил листы на кухонный стол Инги: ровно, без суеты, без желания напугать сильнее. Так выкладывают не догадки. Так показывают то, что уже случилось, просто ещё не дошло до двери.

Инга стояла рядом, прижав ладонь к горлу. В комнате за стеной Лейла тихо переставляла подушки, строила свой маленький домик, не зная, что взрослые уже спорят с настоящими стенами — фамилиями, деньгами, связями, страхом и чужой уверенностью, что ребёнка можно забрать, если достаточно громко назвать это заботой.

Амина не сразу протянула руку к листам.

— Откуда они у вас? — спросила она.

Руслан не сел. Он стоял напротив, в чужой маленькой кухне, слишком высокий для её низкого потолка, слишком спокойный для утра, в котором у Амины дрожали пальцы.

— От человека, который не хочет, чтобы Саид Арсанов

снова выиграл только потому, что остальные испугались.

— Имя.

— Пока нет.

Она медленно подняла глаза.

— Вы хотите, чтобы я доверила вам дочь, жизнь и развод, но не называете даже источник?

— Я не прошу доверить мне дочь.

— Но всё к этому идёт.

— Нет. Я прошу перестать быть одной там, где против вас уже трое взрослых мужчин, семья, подготовленные показания и женщина, которая вчера сидела на вашем месте за столом.

Амина резко отодвинула листы.

— Не говорите так.

— Как?

— Так, будто знаете, где моё место.

Руслан посмотрел на неё внимательно. Не обиженно. Не раздражённо. Просто услышал — и остановился.

— Хорошо, — сказал он. — Не буду.

Эта короткая уступка почему-то сбила её сильнее, чем спор. С Тимуром любое возражение превращалось в стену. Сначала он требовал объяснений, потом называл её обиду истерикой, потом ждал, когда она устанет доказывать очевидное. Руслан же просто принял границу и не стал делать из неё новую битву.

И от этого доверять ему стало не легче.

— Тогда объясните, — сказала Амина. — Что это?

Руслан развернул первый лист к ней.

— Черновик заявления. Не подан официально, но уже подготовлен. Формулировки выверены: отец обеспокоен эмоциональным состоянием матери, мать покинула семейное жильё ночью, не сообщает точный адрес пребывания ребёнка, препятствует общению, находится под влиянием постороннего мужчины.

Инга резко выпрямилась.

— Постороннего мужчины? Это про вас?

— Теперь — да, — спокойно сказал Руслан.

Амина почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Тимур услышал ваше имя по телефону. Он мог добавить это уже утром.

— Мог. Но он не удивился так, как должен был бы удивиться, если бы планировали без меня.

— Что это значит?

Руслан чуть помолчал.

— Это значит, что Саид заранее предполагал: если вы уйдёте, кто-то может вмешаться. И, похоже, он хотел, чтобы этим кем-то оказался я.

Инга переводила взгляд с него на Амину.

— Ничего не понимаю. Вы им враг или запасной козёл отпущения?

— И то, и другое удобно, если правильно подать.

Амина села. Ноги вдруг перестали держать.

— Вы сказали, что Тимур готовил это заранее.

— Да.

— Когда?

— Не знаю точно. Но не вчера. Здесь приложен список свидетелей. Родственники. Соседка из вашего дома. Кто-то из детского сада.

— Из садика? — Амина почти не узнала свой голос.

— Не воспитатель, судя по имени. Возможно, кто-то из администрации или родитель, который готов сказать, что Тимур регулярно участвовал в жизни ребёнка.

Инга тихо хмыкнула.

— Регулярно? Это когда он один раз забрал Лейлу с утренника и всю дорогу разговаривал по телефону?

Амина закрыла глаза.

Она вспомнила тот день. Лейла тогда выбежала из зала в белом платье снежинки, вся сияющая, с бумажной короной набок. Тимур пришёл на последние десять минут. Долго искал место, потом кивнул дочери издалека и уехал сразу после фотографии, потому что “люди ждут”. Лейла всё равно была счастлива: папа пришёл. Дети умеют радоваться крошкам так, будто им подарили целый мир.

Теперь эти крошки собирались превратить в доказательства.

— Он был её отцом по праздникам, — сказала Амина. — Иногда. Когда удобно.

— Значит, нужно показать полную картину, — ответил

Руслан. — Не словами “он плохой”, а фактами. Кто водил к врачу… — он осёкся на полуслове, заметив, как Амина напряглась. — Кто занимался садиком, кружками, одеждой, расписанием, бытом. Кто был рядом каждый день.

Она уловила его остановку. Он помнил её запрет на нежелательные темы, хотя она не произносила его вслух сегодня. Или просто умел не давить туда, где человек попросил не трогать. Эта мелочь опять насторожила её — слишком внимательный мужчина тоже мог быть опасен.

— И вы всё это знаете? — спросила она. — Про суд, про Саида, про Тимура, про то, что они делают с женщинами. Почему?

Руслан опустил взгляд на листы.

— Потому что я слишком долго молчал, когда должен был говорить.

В кухне стало тихо.

Инга первая не выдержала:

— Вот теперь поподробнее.

Руслан посмотрел в сторону комнаты. Лейла напевала что-то себе под нос, раскладывая подушки. Он понизил голос.

— Не здесь.

— Нет, — сказала Амина. — Именно здесь. Я никуда с вами не поеду, пока не узнаю, кто вы такой для этой семьи.

— Вы видели меня один раз.

— На торжестве у Арсановых. Много лет назад. Вы стояли

в стороне. Тимур потом сказал, что вы человек, с которым лучше не связываться.

Руслан едва заметно улыбнулся.

— В кои-то веки Тимур сказал почти правду.

— Это не ответ.

— Я вырос рядом с Арсановыми, — произнёс он наконец. — Не в их доме, но достаточно близко, чтобы знать, где у них парадная дверь и где задний выход. Мой отец работал с Саидом. Потом умер. Саид взял на себя роль благодетеля. Помогал моей матери, устроил меня на учёбу, звал на семейные праздники. Для всех я был почти своим. Не сыном, не родственником, но человеком, которому позволяли стоять рядом с фамилией.

Амина слушала, не перебивая.

— Я дружил с Тимуром, — продолжил Руслан. — В юности. Не так близко, как он потом рассказывал людям, но достаточно. Мы оба хотели казаться взрослыми раньше времени. Только он считал, что взрослость — это когда тебе подчиняются. А я слишком поздно понял, что быть рядом и молчать — тоже выбор.

— Из-за чего вы ушли?

Руслан не ответил сразу.

За окном хлопнула дверца машины. Амина вздрогнула, но Инга быстро подошла к окну, посмотрела сбоку и покачала головой: не они.

Руслан дождался, пока Инга вернётся.

— У Саида была племянница. Динара. Она вышла замуж рано, неудачно, но семья решила, что развод — это пятно на фамилии. Ей говорили потерпеть, быть мудрой, думать о доме. Она хотела уйти. Саид сделал так, что уйти стало некуда. Бумаги, деньги, родственники, разговоры, стыд. Всё как по старой схеме.

Амина медленно сжала пальцы.

— Что с ней стало?

Лицо Руслана закрылось.

— Она уехала. Не сразу. После большого скандала. Потеряла почти всё, что могла забрать, но выжила. Сейчас живёт далеко и не хочет слышать эту фамилию. Я тогда был молодым, злым и уверенным, что могу спорить с Саидом на его поле. Пришёл к нему и сказал, что он ломает человека. Саид ответил: “Человек ломается только там, где у него нет корня”. Я назвал это трусостью, прикрытой традициями.

Инга тихо присвистнула.

— И вас после этого из семьи вычеркнули?

— Сначала предложили извиниться. Потом предложили деньги за молчание. Потом сделали вид, что меня никогда не было.

— А Тимур?

Руслан посмотрел на Амину.

— Тимур стоял рядом с отцом.

Она почему-то ожидала именно этого, но всё равно стало больно. Не за Руслана. За прошлое, которое вдруг подсвечи-

вало настоящее. Тимур не стал таким вчера. Он просто долго жил среди людей, для которых женская боль была неудобством, а не причиной остановиться.

— Почему вы помогаете мне? — спросила Амина.

— Потому что вчера, когда мне позвонили и сказали, что Тимур привёл Зарему в дом, я понял, чем это закончится.

— Кто позвонил?

— Человек, которому я пока не имею права вредить своим доверием.

— Опять загадки.

— Да.

— Мне они не нравятся.

— Мне тоже.

И снова — не спорил, не оправдывался, не пытался очаровать. Просто соглашался с тем, что было неприятно. Амина ненавидела эту честность. Потому что ей нечего было противопоставить.

Она взяла второй лист.

Там были имена.

Саид Арсанов. Мадина Арсанова. Рашид Арсанов. Какая-то Лиана Магомедова. Ещё несколько фамилий, от которых у Амины не возникало лиц, только чувство окружения. Как будто люди, с которыми она здоровалась на свадьбах, днях рождения и семейных ужинах, стояли теперь не за столом, а вокруг неё, каждый с готовой фразой: “Она вспыльчивая”, “Она ушла сама”, “Ребёнку будет лучше у отца”, “Ти-

мур хороший человек, просто строгий”.

— Они все будут против меня, — сказала она.

— Не все.

— Кто за меня?

Руслан посмотрел на неё прямо.

— Пока вы сами.

Это было жестоко.

И честно.

Инга возмущённо вскинулась:

— А я?

— Вы рядом с ней. Это важно. Но в глазах Арсановых вы подруга, которая прикрывает беглянку. Они попытаются сделать вас частью её “неразумного поступка”.

— Пусть попробуют.

— Попробуют.

Инга открыла рот, потом закрыла. Впервые за утро у неё не нашлось колкой фразы.

Амина положила листы на стол.

— Что вы предлагаете?

— Не прятаться у Инги дольше сегодняшнего дня.

— Нет, — мгновенно сказала Инга. — Она останется сколько нужно.

Руслан повернулся к ней.

— И к вечеру у вашей двери будут другие люди. Не те, что пришли утром. Потом начнутся звонки соседям. Потом кто-то скажет, что у вас дома ребёнок в стрессовой обстановке.

Потом появится ещё один повод заявить, что мать скрывает Лейлу в чужой квартире.

— Вы всё рисуете так, будто они уже выиграли.

— Нет. Я рисую так, как они будут действовать.

Амина поднялась.

— Я не поеду к вам.

— Я и не предлагаю.

— Но предложите.

— Нет. Теперь нет.

— Почему?

Вопрос вырвался резче, чем она хотела.

Руслан выдержал её взгляд.

— Потому что вы сказали “нет”. Я услышал.

Она отвернулась к окну.

Во дворе ничего не изменилось. Всё тот же подъезд, лавочка, машины, голые ветки деревьев. Но для Амины мир будто начал показывать свои скрытые двери. Те, через которые ходили Арсановы. Те, через которые приходили женщины в платках “от семьи”. Те, за которыми готовили бумаги заранее, пока жена ещё варила ужин и стирала детские колготки.

— Тогда куда? — спросила она.

— В квартиру моей помощницы. Она в отъезде, ключи у меня. Адрес не связан со мной напрямую. Дом новый, закрытый двор, консьерж. Но решение за вами. Можно выбрать другое место, если назовёте его.

Инга прищурилась.

— Помощница настоящая?

Руслан посмотрел на неё без улыбки.

— Да.

— А то у вас, мужчин, помощницы часто оказываются очень удобными женщинами.

— Инга, — тихо сказала Амина.

— Что? Я должна спросить. Ты сейчас в таком состоянии, что тебе любой спокойный мужчина покажется маяком. А маяк может оказаться прожектором на вышке.

Руслан неожиданно кивнул.

— Правильно спрашиваете.

Инга моргнула.

— Я не для того язвлю, чтобы вы соглашались.

— А я не для того помогаю, чтобы вам нравиться.

Амина почти рассмеялась, но смех застрял на полпути. Ситуация была слишком страшной, чтобы становиться смешной, но эта короткая перепалка вдруг вернула кухне нормальность. На секунду они стали не беглянкой, защитником и свидетельницей, а тремя людьми у стола, пытающимися понять, как пережить день.

— Мне нужно подумать, — сказала Амина.

— У вас мало времени.

— Не давите.

— Я говорю факт.

— Для меня сейчас каждый факт звучит как давление.

Руслан помолчал.

— Тогда я выйду на лестницу. У вас будет десять минут без моего голоса.

Он взял папку, но листы оставил на столе.

— Бумаги заберите, — сказала Амина.

— Нет. Посмотрите. Решение должно быть вашим, а не моим.

Он вышел.

Дверь закрылась.

Инга сразу села напротив Амины.

— Ну?

— Что “ну”?

— Веришь ему?

Амина посмотрела на листы.

— Нет.

— А я почти да.

— Почему?

— Потому что он не лезет спасать тебя героически. Героические обычно громче. Этот неприятный, но полезный.

— Полезный мужчина — тоже опасная категория.

— Все категории опасные, когда у тебя бывший Тимур.

— Он ещё не бывший.

— После вчерашнего? Уже бывший. Просто бумага не успела.

Амина закрыла лицо ладонями, но сразу убрала руки. Нельзя. Не сейчас. Если закрыть лицо, можно начать пла-

кать, а если начать — трудно остановиться. Лейла в соседней комнате должна видеть мать живой, не каменной, но и не разбитой.

Инга наклонилась ближе.

— Мин, послушай. Ты можешь не доверять Бероеву. Но ты должна поверить в то, что Тимур не остановится. Он пришёл утром. Привёл людей. Прислал родственников. Саид написал. Это всё за несколько часов. Что будет вечером?

Амина посмотрела на дверь комнаты.

— Лейла устала.

— Вот именно. Её нельзя держать в подъездной осаде.

— Я знаю.

— Тогда бери то, что можно взять. Не его власть. Его знания.

Амина медленно провела рукой по столу, словно стирала невидимую пыль.

— Я семь лет жила в доме, где мне всё время объясняли, что лучше для меня. Где жить. Что надеть. Как улыбаться. Когда молчать. Даже теперь Тимур говорит: “Ты выйдешь, ты вернёшься, ты отдашь”. Я не хочу, чтобы Руслан стал другим голосом с правильными словами.

— Тогда не позволяй.

— Это легко сказать.

— Нет. Это трудно. Но ты уже начала.

Из комнаты вышла Лейла.

— Мам, я есть хочу.

Амина мгновенно встала.

— Сейчас.

Лейла посмотрела на бумаги на столе.

— Это из-за папы?

Инга быстро закрыла листы кухонным полотенцем.

— Это взрослые скучные дела.

Девочка нахмурилась.

— Когда взрослые говорят “скучные”, потом все плачут.

Амина присела перед ней.

— Мы не плачем.

— Но ты хочешь.

Эта простота ударила мягко и точно.

— Иногда хочу, — призналась Амина. — Но сейчас я хочу, чтобы ты позавтракала.

— А мы потом уйдём отсюда?

— Возможно.

— Потому что папа найдёт?

Инга отвернулась к плите.

Амина взяла дочь за руки.

— Потому что нам нужно место, где никто не будет звонить в дверь и пугать тебя.

Лейла подумала.

— А тётя Инга с нами?

— Нет, солнышко, — сказала Инга, оборачиваясь. — Я останусь здесь и буду делать вид, что у меня очень скучная жизнь.

— Я не хочу, чтобы ты была одна. Они злые.

Инга присела рядом.

— Я взрослая. Я умею быть вредной. Злым со мной трудно.

Лейла не улыбнулась.

— Папа раньше не был злой.

Амина почувствовала, что Инга замерла.

— Он и сейчас не только злой, — осторожно сказала она. — Он запутался в том, что считает правильным.

— А если он распутается?

— Тогда ему придётся научиться спрашивать, а не забирать.

Лейла кивнула так серьёзно, будто записала правило.

За дверью тихо кашлянули. Руслан напомнил о себе, не входя.

Инга открыла.

— Десять минут прошли, — сказал он. — Я могу подождать ещё.

— Не надо, — произнесла Амина.

Он посмотрел на неё.

— Мы поедем, — сказала она. — Но не потому что вы решили. Потому что я решила, что Лейле здесь небезопасно.

— Это правильная причина.

— И ещё. Вы не будете говорить с Тимуром от моего имени без моего разрешения.

— Не буду.

— Не будете решать, где мне жить после этой квартиры.

— Нет.

— Не будете использовать меня в своей войне с Саидом.

На этом он замолчал дольше.

— Я постараюсь, чтобы этого не случилось.

— Не подходит.

— Тогда так: если я пойму, что мой конфликт с Саидом мешает вашей защите, я скажу вам прямо. И вы сможете уйти к другому юристу.

— У меня нет другого юриста.

— Найдём.

— Вы странный.

— Вы уже говорили, что не доверяете мне. Странный — шаг вперёд.

Инга фыркнула.

Амина впервые за утро позволила себе короткую усталую улыбку.

Собирались быстро.

Чемодан был всё тот же, ночной, собранный впопыхах. Инга добавила туда детские носки, новую зубную щётку, пачку печенья, небольшой альбом и цветные карандаши. Лейла держала зайца и то и дело оглядывалась на домик из подушек, который так и остался недостроенным.

— Можно я его оставлю? — спросила она.

— Конечно, — ответила Инга. — Он будет ждать тебя.

— А если придут те люди?

— Я скажу, что домик охраняет квартира.

Лейла наконец чуть улыбнулась.

Руслан спустился первым. Через несколько минут написал: “Чисто”. Это слово Амине не понравилось — слишком короткое, слишком чужое для её обычной жизни. Но обычной жизни больше не было.

Они вышли втроём: Амина, Лейла и Инга, которая настояла проводить их до машины.

Во дворе было светло, но от этого не легче. Утренний город не скрывал тревогу, а выставлял её на обозрение: бабушка у подъезда смотрела слишком внимательно, мужчина с пакетом замедлил шаг, из окна второго этажа кто-то отдёрнул занавеску. Амина вдруг поняла, как быстро чужая беда становится общим развлечением.

Машина Руслана стояла не у подъезда, а за углом.

— Он параноик, — прошептала Инга.

— Может, это сейчас полезно.

— Вот и я про то.

Они почти дошли, когда телефон Амины зазвонил.

Тимур.

Она остановилась. Руслан открыл заднюю дверь, но не сказал ни слова. Лейла посмотрела на экран и побледнела.

— Не надо, мам.

Амина сжала телефон.

Раньше она бы не ответила из страха. Теперь поняла: иногда не отвечать — тоже позволить страху управлять. Но от-

вечать нужно так, чтобы не дать Тимуру превратить её голос в оружие против неё.

Она включила громкую связь.

— Да, Тимур.

Сначала было тихо. Потом его голос, низкий и сухой, заполнил пространство между ними.

— Где ты?

— Лейла со мной. Мы уезжаем в безопасное место.

— С кем?

— Неважно.

— Очень важно. Если ты сейчас с Бероевым, ты делаешь последнюю ошибку.

Руслан стоял рядом и смотрел не на телефон, а на Амину. Не вмешивался.

— Моей последней ошибкой было думать, что ты не перейдёшь черту, — сказала она.

— Ты сейчас храбрая, потому что он рядом?

— Я сейчас спокойная, потому что дочь держит меня за руку.

Лейла действительно держала. Маленькие пальцы дрожали, но не отпускали.

— Передай трубку Лейле, — потребовал Тимур.

— Нет.

— Я отец.

— Тогда начни с того, чтобы не пугать её приказами.

— Передай. Трубку. Дочери.

Руслан чуть изменился в лице, но по-прежнему молчал.

Амина наклонилась к Лейле.

— Хочешь говорить с папой?

Девочка замотала головой и спряталась за её бок.

— Она не хочет.

— Ты отвечаешь за неё?

— Да. Пока она напугана — да.

На том конце послышался короткий выдох.

— Я у Инги.

Амина подняла глаза.

Инга резко обернулась в сторону своего дома.

— Что?

— Я стою у подъезда, — сказал Тимур. — А тебя здесь нет. Значит, ты всё-таки решила бегать по городу с моей дочерью и Бероевым.

Инга тихо произнесла:

— Вот же…

Амина посмотрела на Руслана.

Он уже доставал телефон, кому-то писал, но вслух не вмешивался.

— Тимур, — сказала Амина, — не трогай Ингу.

— А то что?

— Она не часть нашего развода.

— Ошибаешься. Все, кто помогает тебе прятать ребёнка, становятся частью.

— Я не прячу ребёнка. Я защищаю её после твоих угроз.

— Каких угроз? — голос стал почти насмешливым. — Я приехал поговорить. Ты сбежала. Опять.

— Вчера ты сказал, что Лейла останется с тобой и Заремой. Сегодня прислал людей к чужой двери. Сейчас стоишь у дома моей подруги. Это не разговор.

— Ты очень хорошо выучила слова Бероева.

Амина хотела ответить, но в трубке послышался другой голос.

Мужской. Старше. Тяжелее.

— Дай мне.

И сердце Амины провалилось.

Саид Арсанов.

Она видела его нечасто, но его голос знала. Он никогда не повышал тон. Ему и не нужно было. Люди вокруг него сами становились тише, будто пространство признавало старшинство раньше, чем разум успевал возразить.

— Амина, — сказал Саид. — Ты зашла слишком далеко.

Руслан медленно поднял голову.

Его взгляд стал острым.

— Саид Магомедович, — произнесла Амина, стараясь держать голос ровно. — Я не буду обсуждать Лейлу под давлением.

— Это не давление. Это семья возвращает порядок.

— Порядок не начинается с того, что у матери пытаются забрать ребёнка.

— Ребёнок Арсановых не будет жить по чужим углам.

— Она будет жить там, где ей спокойно.

— Ты не решаешь это одна.

— Но и вы не решаете это за меня.

Пауза.

Инга смотрела на Амину так, будто видела её впервые. Лейла прижималась к ней всё крепче. Руслан стоял неподвижно, но в этой неподвижности было напряжение перед шагом.

Саид заговорил тише:

— Рядом с тобой Бероев?

Амина молчала.

— Я знаю, что рядом, — сказал он. — Руслан, ты слышишь меня?

Руслан сделал шаг ближе, но не к телефону — к Амине. Остановился рядом, не касаясь.

— Слышу.

Тишина на другом конце изменилась. Даже Тимур, кажется, перестал дышать.

— Значит, ты всё-таки решил лезть в мою семью, — произнёс Саид.

— Я решил помочь женщине, которую ваша семья загнала в угол.

— Ты ничего не понял тогда и ничего не понял сейчас.

— Нет, Саид Магомедович. Тогда я понял поздно. Сейчас успел раньше.

Амина посмотрела на Руслана. Его лицо оставалось спо-

койным, но голос стал другим. В нём появилась тень старой боли, такой давней, что она уже не кричала, а стояла ровно, как шрам на камне.

— Ты забыл своё место, — сказал Саид.

— Нет. Я просто больше не стою там, куда вы меня поставили.

Тимур резко вмешался:

— Бероев, это между мной и моей женой.

Руслан не повысил голоса.

— Тогда почему рядом с тобой твой отец?

— Не твоё дело.

— Уже моё, раз ты используешь ребёнка, чтобы наказать мать.

— Повтори.

— Лейла — не способ вернуть контроль, Тимур.

Амина почувствовала, как Лейла вздрогнула при имени отца. Она сразу выключила громкую связь и поднесла телефон к уху.

— Достаточно, — сказала она. — Все дальнейшие разговоры будут только в присутствии моего представителя.

Тимур ответил мгновенно:

— То есть Бероева?

Амина посмотрела на Руслана.

Он ничего не просил. Не кивал. Не подсказывал.

И потому она сказала сама:

— Да. Руслана Бероева.

В трубке послышался короткий злой смешок.

— Ты пожалеешь об этом больше, чем о своём побеге.

— Это был не побег. Это был выход.

Она отключила звонок.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Инга выдохнула:

— Я сейчас официально заявляю: у меня мурашки и желание кого-нибудь ударить сумкой.

Лейла подняла голову.

— Мам, дедушка Саид тоже злится?

Амина убрала телефон в карман и присела перед дочерью прямо на улице, не обращая внимания на прохожих.

— Да, родная. Но его злость — не твоя вина.

— Он страшный.

Амина не стала лгать.

— Иногда взрослые кажутся страшными, когда хотят, чтобы их слушались.

— А мы будем?

— Нет.

Лейла посмотрела на Руслана.

— А вы не боитесь дедушку Саида?

Руслан присел перед ней так же, как утром в квартире.

— Боюсь.

Девочка удивилась.

— Правда?

— Правда. Но страх не всегда значит, что нужно отсту-

пать.

Лейла подумала, потом протянула ему своего плюшевого зайца.

— Подержите. Он смелый.

Руслан принял игрушку осторожно, почти неловко. На секунду в его лице появилась такая растерянность, что Амина вдруг увидела не юриста, не человека, который знает чужие тайны, а мужчину, которому доверили что-то хрупкое и этим обезоружили.

— Тогда нам точно нельзя проиграть, — сказал он.

Лейла кивнула.

— Он не любит тётю Зарему.

— Заяц?

— Да.

— У него хороший вкус, — сказала Инга.

— Инга, — устало произнесла Амина.

— Молчу.

Они сели в машину.

Инга наклонилась к Амине через открытую дверь.

— Позвони, как доедете.

— Позвоню.

— И не геройствуй молча. У тебя это плохо получается.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

Инга обняла её быстро, крепко, почти сердито. Потом поцеловала Лейлу в макушку и отступила.

Машина выехала со двора.

Амина смотрела в окно, пока дом Инги не исчез за поворотом. Ей казалось, что она оставляет там последнюю ниточку прежней нормальной жизни. Подругу, кухню, плед, подушки на полу, возможность хотя бы на час поверить, что можно спрятаться от Арсановых за обычной дверью.

Руслан вёл молча.

Лейла уснула через десять минут, прижавшись к Амине. Заяц лежал у неё на коленях — Руслан вернул его перед тем, как завести машину.

— Вы знали, что Саид будет у Инги? — тихо спросила Амина.

— Предполагал.

— Почему не сказали?

— Потому что вы бы решили, что я снова давлю.

— А вы не давите, когда молчите?

Он принял удар без возражения.

— Давлю. По-другому.

Она повернулась к нему.

— Мне нужна правда, Руслан. Не удобные куски. Не половина. Не "пока не могу назвать источник". Если я беру вас представителем, я должна понимать, во что вхожу.

— Вы входите в войну с семьёй, которая считает уступку слабостью.

— Это я уже поняла.

— И в мою старую войну тоже, как бы я ни хотел отделить

одно от другого.

— Значит, я была права.

— Да.

Честность опять оказалась неприятной. Амина ждала оправданий, а получила признание.

— Тогда почему я должна остаться с вами?

— Не должны.

— Не играйте словами.

— Не играю. Вы можете отказаться. Но Тимур уже связал вас со мной. Саид услышал мой голос. Они всё равно будут использовать это против вас. Разница только в том, буду я рядом и смогу отвечать — или вы останетесь одна с обвинением, которое не выбирали.

Амина посмотрела на спящую дочь.

— Они скажут, что я ушла к вам.

— Скажут.

— Что между нами что-то было.

— Скажут.

— Что я плохая мать.

— Уже говорят.

Она закрыла глаза.

— Вы удивительно утешаете.

— Я не умею утешать ложью.

— А правдой умеете?

— Пытаюсь.

За окном сменялись улицы. Город жил обычной субботой:

люди переходили дорогу, несли пакеты, смеялись у остановок, кто-то ругался на парковке. Никто не знал, что в этой машине женщина впервые за семь лет сказала вслух “мой представитель” и тем самым отрезала себе дорогу назад в послушное молчание.

— Квартира далеко? — спросила она.

— Двадцать минут.

— Кто ваша помощница?

— Нина. Ей сорок шесть. У неё трое взрослых детей и привычка ругаться на меня за то, что я работаю без выходных. Она знает, что вы приедете. Не знает деталей. И не спросит.

— Надёжная?

— Да.

— Вы всем так уверенно доверяете?

— Почти никому. Поэтому если доверяю, то уверенно.

Амина отвернулась к окну.

— Тимур тоже когда-то говорил уверенно.

— Уверенность не доказательство правды.

— Тогда что доказательство?

Руслан помолчал.

— Поступки, которые ничего не требуют взамен.

Она не ответила.

Потому что это прозвучало слишком близко. Не как признание, не как попытка понравиться, а как правило, по которому он сам хотел бы жить. Амина не была готова видеть в

нём правила. Ей безопаснее было видеть угрозу. С угрозой понятно: держи дистанцию, не верь, проверяй каждое слово.

С человеком сложнее.

Они свернули к новому жилому комплексу. Высокие светлые дома стояли вокруг закрытого двора. У входа сидел консьерж, который кивнул Руслану без удивления. Квартира оказалась на восьмом этаже: небольшая, чистая, с серыми шторами, книжными полками и кухней, где на холодильнике висел магнит с надписью: “Не спорь с Ниной до кофе”.

Инга бы оценила.

Лейла проснулась, когда Амина снимала с неё куртку.

— Мы где?

— В квартире знакомой Руслана.

Девочка сонно огляделась.

— Тут нет тёти Заремы?

— Нет.

— И папы?

— Нет.

— А можно я посмотрю комнаты?

Амина посмотрела на Руслана.

— Можно, — сказал он. — Только балкон не открывать. И в дальнем шкафу коробки, они скучные.

Лейла взяла зайца и пошла осматривать квартиру с осторожной важностью хозяйки, которой нужно проверить, безопасно ли место для мамы.

Амина осталась в прихожей.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

— Не обесценивайте.

Руслан посмотрел на неё.

— Хорошо. Пожалуйста.

Она вдруг устала настолько, что захотелось сесть прямо на пол. Но телефон снова нарушил тишину.

На этот раз не звонок.

Сообщение от Тимура.

«Я у дома. Выходи. По-хорошему».

Амина медленно подняла глаза на Руслана.

Он увидел её лицо и всё понял без слов.

— Здесь? — спросил он.

Она показала экран.

Руслан взял свой телефон, быстро набрал сообщение кому-то, потом подошёл к окну, не становясь прямо перед стеклом.

Внизу у подъезда стояла машина Тимура.

Амина подошла рядом и посмотрела сбоку.

Тимур вышел из машины почти сразу, будто почувствовал их взгляды. Поднял голову. Конечно, он не мог видеть их за шторами. Но стоял так, словно знал: она смотрит.

Потом он достал телефон и набрал.

Экран Амины вспыхнул звонком.

Лейла вышла из комнаты.

— Это папа?

Амина не ответила сразу.

Руслан повернулся к ней.

— Решать вам.

Она посмотрела на дочь, потом на телефон.

— Я отвечу. Но не одна.

Руслан кивнул.

Амина включила громкую связь.

— Тимур.

— Спускайся, — сказал он. — Без цирка. Без Бероева. Отдай мне Лейлу по-хорошему, и я ещё могу сделать так, чтобы всё это закончилось спокойно.

Лейла тихо ойкнула и спряталась за стену.

Амина почувствовала, как внутри поднимается не страх. Уже нет.

Гнев.

Чистый, ясный, материнский.

— Ты не получишь её приказом.

— Ты в чужой квартире с моей дочерью и мужчиной, который ненавидит мою семью. Ты правда думаешь, что суд будет на твоей стороне?

Руслан сделал шаг ближе.

— Тимур, — сказал он спокойно. — Сейчас ты стоишь у подъезда, куда тебя никто не приглашал, и требуешь передать ребёнка, который напуган твоими действиями. Уезжай.

Тишина в телефоне стала оглушительной.

— Бероев, — произнёс Тимур. — Отойди от моей жены.

Руслан посмотрел на Амину. Не на экран. На неё.

— Амина не вещь, чтобы от неё отходили по твоей команде.

— Ты пожалеешь.

— Возможно.

— Ты не знаешь, во что лезешь.

— Знаю лучше тебя.

— Тогда выходи.

Амина резко повернулась к Руслану.

— Нет.

Он даже не посмотрел на дверь.

— Не собирался.

В трубке послышался злой смешок Тимура.

— Что, страшно?

— Нет, — сказал Руслан. — Просто я не дерусь за право женщины быть свободной. Она им уже обладает. Я здесь, чтобы ты это услышал.

Амина замерла.

Впервые за эти страшные сутки мужчина рядом с ней не сказал “я заберу”, “я решу”, “я защищу, а ты стой позади”. Он сказал то, что она сама ещё боялась произнести полностью: право уже её. Не подарок. Не милость. Не уступка сильных.

Её.

Тимур молчал несколько секунд.

— Амина, — сказал он наконец. — Последний раз пред-

лагаю нормально. Выходи с Лейлой.

Она взяла телефон крепче.

— Нет.

— Тогда я поднимаюсь.

— Попробуй, — тихо сказал Руслан. — И это будет зафиксировано.

— Ты мне угрожаешь?

— Я предупреждаю. Разницу ты когда-нибудь поймёшь.

Тимур отключился.

Снизу хлопнула дверца машины.

Лейла заплакала.

Амина бросилась к ней, обняла, прижала к себе.

— Мам, он идёт?

Руслан уже был у двери. Не открывал. Не суетился. Только повернул замок, проверил цепочку и встал в прихожей — не перед Аминой, не заслоняя её от мира, а между дверью и комнатой, где плакала Лейла.

— Он не войдёт, — сказал Руслан.

В лифтовом холле послышался сигнал.

Амина подняла голову.

Шаги.

Тяжёлые. Быстрые. Знакомые даже через дверь.

Тимур поднимался лично.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.